

Баловень судьбы

1 декабря Геннадию Хазанову исполняется 50 лет. По этому случаю на следующий день в Театре эстрады состоится юбилейный вечер. А сегодня, в канун праздника, «ВМ» от имени своих читателей поздравляет любимого артиста, желает доброго здоровья и новых творческих успехов!

Э то произошло в конце 50-х — начале 60-х годов. Я опубликовал статью о Татьяне Шмыге. В тот же день или на другой ко мне позвонила женщина с очень низким, почти мужским голосом и сказала:

— Борис Михайлович, с вами говорит Ирина Михайловна Хазанова. Разрешите поблагодарить за добрые слова, сказанные в адрес моего театра.

— Прос тите, пожалуйста, о каком театре идет речь? — поинтересовался я.

— Как это о каком?! О Московском театре оперетты, за который я непосредственно несу ответственность как член бюро Секции зрителей Дома актера.

— А!.. Спасибо за звонок.

С тех пор, встречаясь в театре или в Доме актера, мы непременно раскланивались и даже обменивались впечатлениями, ибо Ирина Михайловна оказалась человеком общительным и к тому же заядлой театралкой, не пропускавшей ни одной премьеры. И не только в оперетте. Хотя, как выяснилось, по роду своей основной деятельности она была далека от искусства и всю жизнь трудилась в качестве инженера на одном из московских заводов.

Когда я впервые увидел на эстраде молодого актера с монологом студента-недотепы из кулинарного техникума, мне и в голову не пришло, что он имеет хоть какое-то отношение к Ирине Михайловне Хазановой. Я даже не обратил внимание на то, что они однофамильцы, не говоря уже о редком внешнем сходстве!..

Весной 1978 года по просьбе тогдашнего редактора отдела новостей газеты «Правда» Ирины Павловны Кирилловой я стал писать по 70 строк для дневника искусства, который выходил по вторникам, о самых интересных событиях минувшей недели. Сдавать материал нужно было накануне до полудня. Но еще в пятницу мы сговаривались о теме с Мишей Капустиним — замечательным человеком и талантливым репортером, который непосредственно го-



товил эти дневники к печати.

Не все, о чем я хотел бы рассказать читателям, могло заинтересовать «Правду». Не надо забывать о том, что в те годы она была не просто газетой, но прежде всего **органом ЦК КПСС**, т. е. ее непосредственным рупором и глашатаяем. Сам факт упоминания кого-нибудь или чего-нибудь на страницах «Правды» означал высокое признание или, напротив, безоговорочное осуждение деятельности человека или группы лиц и даже целых организаций, будь то Академия наук, театр или баня — все равно!

Июль-август — время театрального межсезонья. Премьер летом не бывает, бенефисов и юбилеев — тем более. А о гастрольях в «Правде» полагалось писать только один раз в обзорной статье и то после официального обсуждения, проходившего под патронажем ЦК КПСС и Министерства культуры СССР, когда вырабатывалась общая «объективная» точка зрения. Поэтому

летом я с большим трудом находил новые сюжеты. А тут как раз попал на закрытие сезона в Театр эстрады на спектакль «Мелочи жизни» Аркадия Хайта с Геннадием Хазановым, который тогда впервые пробовал сделать свой спектакль.

Впечатления превзошли все ожидания. Но я отлично осознавал, что поделиться своею радостью о таком остром представлении я смогу разве что с самыми близкими друзьями. И то лучше, как говорили в подобных случаях опытные люди, не по телефону...

Однако не успел я вернуться домой, как раздался звонок, и Миша Капустин стал совестить меня за то, что я разделился. Как вы догадались, я предложил ему — на всякий случай! — написать о «Мелочах жизни». То ли время было позднее, то ли день выдался слишком жаркий, только в ответ Миша сказал: жду вас завтра к полудню...

З аметка была напечатана в «Правде» без всякой правки 18 июля 1978 года под

оптимистическим заголовком «Обнадеживающие совпадения». В тот же день ближе к ночи — междугородный звонок: «Поюровского вызывает Одесса». Кому бы я мог там понадобиться?

— Борис Михайлович? Здравствуйте — это Хазанов.

— Здравствуйте!..

— Это АРТИСТ Геннадий Хазанов.

— А! Здравствуйте!

— Большое спасибо за добрые слова. Мы ведь лично не знакомы. Я, правда, читал ваши статьи о театре, у меня есть ваша книга о Мироновой и Менакере. Но чтобы о нашем спектакле отдельная статья да еще в «Правде», кто бы мог подумать?! У вас там в Москве все по-прежнему, все на своих местах? Ну что же, еще раз спасибо и до встречи!

Только мы закончили разговор, снова звонок, на этот раз местный.

Окончание на 6-й стр.

Взр Москва.

Четверг, 30 ноября 1995 года

46

Хазанову — 50

Баловень судьбы

Окончание.

Начало на 1-й стр.

— Борис Михайлович? Извините, что так поздно — это Ирина Михайловна Хазанова. Спасибо за нынешнюю статью в «Правде»!

— Пожалуйста. А вы теперь и за Театр эстрады отвечаете? — не без подвоха спрашиваю я.

— Причем здесь Театр эстрады?! Вы, вероятно, забыли, я больше двадцати лет кирирую Оперетту...

— Однако сегодня в «Правде»... — не успел договорить я и осекся.

— Сегодня в «Правде» вы написали о спектакле моего сына Геннадия Хазанова...

С той поры минуло 17 лет. Геннадий Викторович неоднократно приглашал меня на свои спектакли. Я видел и «Очевидное-невероятное», и «Масенькие трагедии», и творческие вечера, и фильмы, и даже «Игроков» Н. В. Гоголя. Писал об артисте не раз, ибо думаю, что после Аркадия Райкина Геннадий Хазанов — самое крупное, самое яркое, самое талантливое и оригинальное явление нашей эстрады. И самое серьезное.

Может быть, «виной» тому школа, которую он прошел в ГУЦЭИ у несравненной Надежды Ивановны Слоновой. Той самой, что почти тридцать лет была украшением труппы столичного Театра сатиры и вдруг в самом расцвете неожиданно оставила сцену. Мало того, что она в строгости воспитывала Геннадия Хазанова. Слонова написала о нем монографию, которой могут позавидовать не только актеры, но и театроведы.

Правда, я не совсем понял, за что, многуважаемая Надежда Ивановна, вы в сво-



ей книге напали на мою заметку в «ВМ», опубликованную на другой день после премьеры «Масеньких трагедий»? Разве можно требовать от нее обстоятельного анализа, который уместен в книге или в журнальной публикации? Ведь, по существу, это было первое впечатление, которого, обычно так ждут создатели любого спектакля.

Но это так, к слову. Главное, о чем я хотел бы сказать сегодня, Хазанов — счастливый человек! В самом деле, подумайте, как любые превратности жизни, любые ее сложности со временем оборачивались для него во благо! Кто знает, как сложилась бы судьба актера, если бы его приняли в другую театральную школу, куда он держал — и не раз! — экзамены?! Не попади он в ГУЦЭИ на курс к Слоновой, которая, судя по всему, сама хорошо с ним натерпелась, но и ему, видимо, спуска не давала... Наконец, дебютируя молодой актер не в годы расцвета застоя, когда и Райкину-то выжить было нелегко, ибо любой сатирик ежедневно выходил на эстраду, словно на минное поле, — до того бдительно следили за каждым его словом власть предрезающие, а в наши дни, когда, напротив, всем на всех и на все наплевать, кто бы о нем узнал?

Да и как узнать, если ни конкурсов, ни сборных концертов никто не устраивает. А сольный вечер, кто тебе его даст, особенно без спонсоров?

Вот и выходит, что Хазанов — не просто счастливый человек, но редкий баловень судьбы, который сам об этом, по-моему, не догадывается...

Борис ПОЮРОВСКИЙ

Хазанов Геннадий

30.11.95.